

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ СОСТАВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ: МОДЕЛЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО КОНЦЕПТА

Г.В. Верина

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов

В современный период развития российской уголовно-правовой доктрины проблема использования законодателем потенциальных возможностей дифференциации уголовной ответственности за преступления против собственности стоит достаточно остро. В качестве одной из причин создавшегося положения рассматривается отсутствие в уголовном законе надлежащей системы мер, ориентированной на установление привилегированной уголовной ответственности за отдельные посягательства на собственность. Научная полемика по данному вопросу не только себя не исчерпала, но и нуждается в продолжении. В данном дискурсе предложены привилегирующие признаки хищения, обосновано мнение о рассмотрении модифицированной модели мелкого хищения в качестве разновидности привилегированного *corpus delicti*, разработаны законодательные проекты привилегированных составов преступлений.

Ключевые слова: *привилегирующие признаки, привилегированные составы преступлений, преступления против собственности, мелкое хищение, хищение из-за нужды или отсутствия средств к пропитанию, дифференциация уголовной ответственности.*

Дискуссия о необходимости существования на уровне уголовного законодательства привилегирующих признаков или обособленных привилегированных составов преступлений против собственности возникла в российской уголовно-правовой науке много десятилетий тому назад. На определенных этапах процесса познания уголовно-правовой материи происходит всплеск научной мысли по тому или иному вопросу, бурное его обсуждение на страницах печати, форумах, конференциях и т. д. Затем наступает волна затишья, ожидания от законодателя соответствующей реакции на научные предложения по совершенствованию уголовно-правовых норм. Проблема преступлений против собственности и их привилегирующих признаков активно обсуждалась учеными на уровне монографических исследований, докторских и кандидатских диссертаций в 2000-х гг. Результатом данной научной полемики стало совершенствование уголовно-правовых норм главы 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) посредством принятия ряда федеральных законов, серьезно углубивших вопросы дифференциации уголовной ответственности (признаваемой правоведами базовыми началами современной уголовно-правовой политики России [8, с. 646]) за преступления против собственности путем введения новых составов преступлений, расширения видов хищения в зависимости от стоимости похищенного имущества за счет закрепления в уголовном законе понятия «мелкое хищение», существенной корректировки типовых уголовно-правовых санкций. Однако до сих пор законодатель не использует всю мощь потенциала привилегирующих признаков и привилегированных составов преступлений, которые позволили бы более гармонично дифференцировать уголовную ответственность, без уклона в сторону ее ужесточения. Современные экономические реалии и неутешительная статистика преступлений против собственности (на территории Российской Федерации в январе–ноябре 2019 г. зарегистрировано 1868,8 тыс. преступлений, или на 1,5 % больше, чем за аналогичный период прошлого года; более половины указанных преступлений (53,2 %) приходится на хищения чужого имущества [15]) дают основание возобновить научную дискуссию в обозначенном ракурсе и представить модель законодательного концепта привилегированных составов преступлений против собственности.

История российского уголовного законодательства и уголовно-правовой мысли может пролить некий свет на заявленный аспект проблемы преступлений против собственности и способствовать моделированию привилегированных составов преступлений в рамках главы 21 («Преступления против собственности») УК РФ. Поэтому целесообразно восстановить в памяти отдельные «штрихи к портрету» сей истории.

Так, важно отметить, что еще в XIX столетии российскому уголовному законодательству было известно такое понятие, как учинение кражи «по крайности и неимению никаких средств к пропитанию и работе» в качестве обстоятельства, смягчающего наказание вору. Наказание вору могло быть также смягчено в случае добровольного возвращения украденного имущества и при совершении мелкой кражи. Об этом гласила ст. 1663 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (ред. 1866 г.): «Слѣдующее виновному въ кражѣ наказаніе можетъ быть, по усмотрѣнію суда, уменьшено . . . : 1) если виновный въ кражѣ добровольно возвратилъ украденное хозяину; 2) если кража совершена по крайности и неимѣнію никакихъ средствъ къ пропитанію и работѣ и 3) если цѣна похищеннаго не превышаетъ пятидесяти копѣекъ» [19, с. 670].

Следовательно, еще в XIX в. законодатель был озабочен проблемой дифференциации уголовной ответственности за кражу посредством привилегирующих признаков, что, несомненно, свидетельствует о прогрессивности взглядов разработчиков законов.

В начале XX столетия вопрос о привилегирующих признаках хищения был удостоен внимания ученых. В частности, П.П. Пусторослев в своем труде отмечал: «...учиненіе кражи “по крайности и неимѣнію никакихъ средствъ къ пропитанію и работѣ” или, лучше сказать, учиненіе воровства по нуждѣ, не доведшей человѣка до состоянія крайней необходимости, должно быть признано ... обстоятельствомъ, привилегирующимъ кражу» [10, с. 185 – 186].

Уголовному уложению 1903 г. были известны такие составы кражи, как: 1) мелкая кража; 2) кража по нужде и 3) кража с возвратом похищенного. Так, ст. 581 названного Уложения устанавливала пониженную уголовную ответственность в следующих случаях: «Если же стоимость похищеннаго не превышаетъ пятидесяти копѣекъ, или виновный до провозглашенія приговора, резолюціи или рѣшенія о виновности добровольно возвратилъ похищенное или инымъ способомъ удовлетворилъ потерпѣвшаго, или воровство совершено по крайности, то виновный наказывается: заключеніемъ въ тюрьмѣ на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ» [18, с. 186]. И.Я. Фойницкий признавал их видами легкой (привилегированной) кражи [11, с. 198].

Советское уголовное законодательство на определенных этапах своего развития также закрепляло привилегированные составы преступлений против собственности. В частности, по Уголовному кодексу РСФСР 1926 г. [14] предусматривалась привилегированная ответственность за кражу, совершенную «вследствие нужды и безработицы, в целях удовлетворения минимальных потребностей своих или своей семьи». Таким образом, функцию привилегирующих признаков выполняли нужда и безработица, сопряженные с целью удовлетворения минимальных потребностей своих или своей семьи. Однако в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. [2] не было подобного состава преступления.

Действующий российский уголовный закон также не предусматривает аналогичных привилегированных составов преступлений против собственности. Их отсутствие дает основание теоретикам выдвигать различные идеи относительно конструкций таковых *corpus delicti*. Предложения авторов целесообразно систематизировать и выработать, по возможности, единодушный подход к обсуждаемому вопросу. В связи с этим уместно привести суждение Г.А. Есакова о том, что сегодня «уголовно-правовая наука превратилась в хаос мнений и взглядов, где единая линия прослеживается с трудом» [9, с. 9].

Попытаюсь как-то упорядочить воззрения применительно к такому частному, но важному аспекту уголовно-правовой теории, как привилегирующие признаки и привилегированные составы преступлений против собственности.

В современной российской уголовно-правовой науке данный вопрос был поставлен в начале 2000-х гг. Напомню о том, что сей срез проблемы преступлений против собственности удостоивался внимания на уровне монографий и диссертаций. В частности, в 2001 и 2003 гг. мною в монографиях и докторской диссертации подчеркивалось, что необходимо возродить привилегированный состав кражи, функции привилегирующих признаков в котором надлежит выполнять таким понятиям, как нужда и безработица в сочетании с целью удовлетворения минимальных материальных потребностей своих и (или) своей семьи [3, с. 207; 4, с. 269; 5, с. 363, 364].

Позже разные авторы предпринимали попытки распространить идею о привилегированном составе преступления на другие формы хищения. Так, А.В. Шульга в рамках анализа присвоения и растраты высказал предложение о закреплении в УК РФ привилегированного состава

«хищения, совершенного в связи с тяжелым материальным положением лица и его близких, а равно хищения, лишенного других низменных мотивов» [20, с. 150]. О.А. Адоевская предложила закрепить в ч. 2 ст. 158 УК РФ квалифицирующий признак тайного хищения чужого имущества, «если оно совершено в силу стечения тяжелых личных, семейных или иных жизненных обстоятельств» [1, с. 8]. И.Ю. Малькова на уровне кандидатской диссертации защитила положение о необходимости конструирования привилегированного состава «грабежа, совершенного вследствие нужды, при отсутствии квалифицирующих признаков» [13, с. 8].

В настоящее время сохраняется насущная потребность в существовании привилегированных составов преступлений против собственности – в частности, обусловленных материальным положением лица, совершившего преступление, и его семьи. Целый ряд хищений до сих пор мотивирован стремлением удовлетворить минимальные материальные потребности свои и (или) своей семьи.

Исследователи мотива преступления выделяют корысть-нужду в качестве побуждения, вызвавшего решимость совершить преступление, различая при этом абсолютную и относительную нужду. Если движущим фактором поведения выступает стремление удовлетворить элементарные потребности в пище и предметах одежды, то речь идет об абсолютной нужде; если же стремление обеспечить характерный для окружающих уровень жизни, то об относительной нужде. И в том и в другом случае корысть-нужда порождена, по мнению Т.П. Луговенко, тяжелым материальным положением, невозможностью обеспечить прожиточный минимум честным трудом. По ее данным, 17,2 % женщин, отбывающих лишение свободы за кражи, объяснили свое преступное поведение желанием добыть средства для содержания ребенка, 13,2 % — для покупки продуктов питания и одежды [12, с. 22].

Э.С. Тенчов и Т.М. Явчуновская отмечают, что формирование мотива корысти-нужды зачастую происходит у людей, оказавшихся в жизненных экстремальных ситуациях: старческий возраст при фактическом одиночестве и мизерных доходах, инвалидность, продолжительная болезнь, многодетность, сложности в трудовом и бытовом устройстве [17, с. 138].

Современная экономическая ситуация в стране настолько полярна, что для нее характерны накопление капитала одними и бедность, нищета (нужда) других. 15 января 2020 г. Президент России В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию подчеркнул, что низкие доходы значительной части российских граждан — это острейшая проблема, необходимо реальное снижение бедности, родители не должны чувствовать, что они даже ребенка прокормить не могут [16].

На сегодня, полагаю, есть все основания прислушаться к приведенным экономическим факторам в процессе нормотворческой деятельности в сфере защиты прав собственников. Принимая во внимание предложения различных авторов относительно привилегированных составов хищений, представляется целесообразным закрепить в российском уголовном законе унифицированный привилегированный состав хищения, который бы охватывал различные его формы. Подобная практика хорошо известна российскому законодательству: в частности, в пространстве главы 21 УК РФ к унифицированным уголовно-правовым нормам аналогичной модели следует отнести нормы, закрепленные в ст. 158.1 («Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию») и ст. 164 («Хищение предметов, имеющих особую ценность»).

С учетом изложенного, современных научных достижений и законодательской практики представляется наиболее оптимальной следующая законодательная конструкция унифицированного привилегированного состава преступления: «Хищение путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты, а также грабежа, совершенное вследствие нужды (тяжелого материального положения) в целях удовлетворения минимальных потребностей своих и (или) своей семьи, при отсутствии квалифицирующих признаков». Данный состав преступления, в соответствии с современной законодательной техникой построения уголовного закона, следует разместить в ст. 158.2 УК РФ, которую целесообразно закрепить в названном уголовно-правовом акте федерального значения.

Состояние российского уголовного закона дает основание высказать мнение (если принимать во внимание законодательный опыт Российской империи) о том, что в нем уже присутствует своеобразный привилегированный состав преступления — мелкое хищение,

совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158.1 УК РФ). Поэтому размещение нового привилегированного состава преступления в ст. 158.2 УК РФ, как представляется, будет соответствовать законодательной логике.

Вместе с тем важно отметить и то, что ст. 158.1 УК РФ, в случае ее сохранения в уголовном законе [6, с. 32 – 39], нуждается в серьезных коррективах. Во-первых, необходимо исключить административную преюдицию [7, с. 68 - 70]; во-вторых, предусмотреть в формате мелкого хищения уголовную ответственность за грабеж; в-третьих, исключить бланкетный характер новой редакции уголовно-правовой нормы; в-четвертых, отразить в ней исчерпывающий перечень форм хищения; в-пятых, пересмотреть размерный диапазон мелкого хищения; в-шестых — предусмотреть примечание к ст. 158.1 УК РФ и закрепить в нем пределы размера мелкого хищения и, наконец, в-седьмых, изменить название теоретически модернизируемой статьи уголовного закона. В итоге представленные возможные корректировки позволили разработать следующий проект ст. 158.1 «Мелкое хищение» УК РФ: «Мелкое хищение, совершенное путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты, а также грабежа, при отсутствии квалифицирующих признаков.

Примечание. Мелким хищением признается хищение на сумму прожиточного минимума».

Обозначенные коррективы понятия мелкого хищения, несомненно, требуют пересмотра и других видов хищения в зависимости от суммы причиненного ущерба: хищения, причинившего значительный ущерб гражданину, хищения в крупном и особо крупном размерах. Детальное их обоснование будет представлено мною в последующих научных публикациях.

В завершение проведенного исследования важно подчеркнуть, что системный подход к закреплению в уголовном законе привилегированных составов преступлений будет способствовать установлению баланса между дифференцирующими обстоятельствами и наиболее гармоничной дифференциации уголовной ответственности.

Список литературы

1. Адоевская О.А. Дифференциация ответственности за кражу по уголовному праву России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. 23 с.
2. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
3. Верина Г.В. Преступления против собственности: проблемы квалификации и наказания. Саратов: СГАП, 2001. 216 с.
4. Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 336 с.
5. Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. 510 с.
6. Верина Г.В. Состояние и перспективы мер уголовно-правового воздействия // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сб. материалов Шестой Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А.В. Бриллиантова, С.В. Склярова. М.: РГУП, 2019. С. 32 – 39.
7. Верина Г.В. Фундаментальные понятия уголовного права России: актуальные проблемы: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 200 с.
8. Ендольцева А.В., Ендольцева Ю.В., Платонова Н.И. Базовые начала уголовной политики: от теоретических рассуждений к *de lege ferenda* // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 641 – 650.
9. Есаков Г.А. Проект нового Уголовного кодекса: критические размышления // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 1 (19). С. 7 – 18.
10. Из лекций по особенной части Русского уголовного права П.П. Пусторослева. Юрьевъ: Типографія К. Маттисена, 1908. Вып. I. 328 с.
11. Курсъ уголовного права И.Я. Фойницкаго. Часть особенная: посягательства личныя и имущественныя / посмертное седьмое издание, доп. и пересм. А.А. Жижиленко; издание Юридического общества при Петроградскомъ университетѣ. Петроградъ : Типографія М. Меркушева, 1916. 439 с.
12. Луговенко Т.П. Преступное поведение женщин, совершающих кражи: мотивационная сфера // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Естественные, общественные науки». 2010. Вып. 4: Право. Социология. Международные отношения. С. 19 – 28.
13. Малькова И.Ю. Грабеж: вопросы квалификации, дифференциации ответственности и индивидуализации наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 30 с.
14. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

15. Состояние преступности в России за январь–ноябрь 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19333347/>; <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19333347> (дата обращения: 19.01.2020).

16. Стенограмма Послания Путина Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-poslanija-putina-federalnomu-sobraniyu-15-01-2020.html> (дата обращения: 16.01.2020).

17. Тенчов Э.С., Явчуновская Т.М. Корыстная мотивация преступлений // Современные проблемы правоведения: межвуз. сб. науч. тр. Кемерово: Изд-во Кемеровского ун-та, 1994. С. 135–143.

18. Новое Уголовное уложение: Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г.: издание неофициальное / с приложением предметного алфавитного указателя. СПб.: Издание Каменноостровского юридического книжного магазина В.П. Анисимова, 1903. 257 с.

19. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с доп. по 1 янв. 1876 г. / сост. проф. С.-Петерб. ун-та Н.С. Таганцевым; [авт. предисл. Н.С. Таганцев]. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1876. 726 с.

20. Шульга А.В. Присвоение или растрата в условиях становления рыночных отношений. Краснодар: Кубанский государственный аграрный ун-т, 2004. 154 с.

Об авторе:

ВЕРИНА Галина Владимировна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (Россия, Саратов, ул. Вольская, 1); SPIN-код: 5559-5097, e-mail: GV.Verina@yandex.ru

PRIVILEGED OFFENCES AGAINST PROPERTY: MODEL OF THE LEGISLATIVE CONCEPT

G.V. Verina

Saratov State Law Academy

During the current period of development of the Russian criminal-legal doctrine, the problem of the legislator's use of potential opportunities to differentiate criminal responsibility for crimes against property is quite acute. One of the reasons for this situation is the lack of an appropriate system of measures in the criminal law aimed at establishing privileged criminal liability for individual attacks on property. The scientific debate on this issue has not only not exhausted itself, but also needs to be continued. This discourse proposes privileged signs of theft, justifies the view that the modified model of petty theft should be considered as a form of privileged corpus delicti, and developed legislative drafts of privileged crimes.

Keywords: *privilegiruyushchy signs, exclusive corpus delicti, crimes against property, petty theft, plunder because of need and lack of means to livelihood, differentiation of criminal liability.*

About authors:

VERINA Galina – Doctor of Law, associate professor, Professor, Chair of Criminal and Penitentiary Law, Saratov State Law Academy (Saratov, Volskaya, 1; the Russian Federation); SPIN-code: 5559-5097, e-mail: GV.Verina@yandex.ru

Верина Г.В. Привилегированные составы преступлений против собственности: модель законодательного концепта // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 100 – 107.